

ТЫДЫМ-КЫШТЫМ: МИФОПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПЕТРУШКИНА

Е. А. Смышляев, М. А. Шолохов

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

Статья посвящена изучению мифопоэтики пространства в поэзии А. Петрушкина. Материалом для исследования послужила книга стихотворений «Геометрия побега», а также эго-документ «Тыдымский дневник. Воспоминания об Эдеме», в котором поэт раскрывает смысл обозначения Кыштыма окказиональным топонимом «Тыдым» и мифологизирует его. Мифологизация пространства в поэзии современных уральских авторов является трендом, ключевым элементом литературной стратегии таких поэтов, как Виталий Кальпиди, Янис Грантс, Александр Самойлов и др. В своем творчестве Александр Петрушкин во многом продолжает традиции уральских мифотворцев. В статье определены принципы формирования мифологизированного пространства: А. Петрушкин отходит от классического описания городского пространства. Тыдым представлен поэтом как параллельная Кыштыму реальность, мифологизированное пространство, наполненное христианскими и античными мифологемами. В образе Тыдыма Петрушкин видит реальность, сопоставимую с чистилищем, реальность, наполненную образами смерти, перерождения. Проанализированы основные образы и мифологемы, которыми наполнен хронотоп Тыдыма, рассмотрен метареалистический подход к формированию природных образов в синтезе с христианскими мифологемами.

Ключевые слова: миф, мифопоэтика, художественное пространство, локальный текст, уральский текст, Александр Петрушкин, Тыдым.

Введение

В современной уральской литературе мифологизация пространства является одним из ключевых элементов литературной стратегии. Доказательством этого служит творческая и культуртрегерская деятельность главного мифотворца Урала – Виталия Кальпиди. Уральское поэтическое движение (далее по тексту УПД) целенаправленно формируется как мифологическая система, об этом говорит критик и литературовед Д. М. Давыдов в работе «Поколение vs поэтика: молодая уральская поэзия»: «Уральская литература представляет собой некое единство – социокультурное, отчасти институциональное и, в конце концов, мифологическое, поскольку миф о единстве оказывается одним из источников формирования единства ... Кальпиди борется с Центром за символический капитал, предлагает именно Урал считать “подлинным” Центром» [1, с. 370]. Чертой мифологизированной структуры является большое количество манифестов, конференций, чтений, издание литературных сборников. Все это было направлено на поддержание образа Уральского поэтического движения, которое формировало таким образом миф о себе. В целом большая часть творчества Виталия Кальпиди пронизана мифопоэтикой: как сам миф об авторе, так и целенаправленная мифологизация, концептуализация пространства в творчестве поэта [2, с. 345]. Последнее является принципиально важным: мифотворческая деятельность Виталия Олеговича Кальпиди стала своеобразным способом конструирования литературного мифа об Урале. Таким образом, мифопоэтика пространства становится неотъемлемой частью современной уральской поэзии.

Александр Петрушкин многое заимствует из литературной стратегии Виталия Кальпиди (от мифологизации пространства до метареалистической образности). Поэт продолжает традиции метареализма, что имеет высокий миромоделирующий потенциал, как отмечает Ю. С. Подлубнова: «Миромоделирующий, сюжетообразующий и образформирующий потенциал метаморфоз высок, что не раз было доказано в литературе и, в частности, в поэзии – от Овидия до постконструктивистов» [3, с. 124]. И мифопоэтику как способ реализации в художественном мифе авторского восприятия реальности можно признать равной миромоделированию. Таким мифологически сотворенным миром в творчестве Александра Петрушкина становится Тыдым – параллельный Кыштым, где жил и творил автор.

Обзор литературы

Прежде чем перейти к непосредственному анализу мифопоэтики пространства в творчестве А. Петрушкина, раскроем основные терминологические дефиниции и опишем ключевые исследования, на которые был сделан упор при написании данной статьи.

Понятие мифа трактуется исследователями с нескольких точек зрения (литературы, культуры, философии) в различном ключе. П. Н. Барышников дает следующее определение: «...миф как необходимый культурный продукт духовной деятельности человечества, обусловленный необходимостью сакрализации повседневности» [4, с. 183]. Исследователь отмечает, что миф не является продуктом архаичного сознания, он развивается и трансформируется в след за всей духовной деятельностью человека.

Один из ведущих исследователей мифологии А. Ф. Лосев в работе «Диалектика мифа» рассматривает данное понятие с точки зрения философии, он определяет взаимосвязь разных аспектов мифа, два из которых, наиболее связанные, – личность и выраженность ее в слове [5, с. 171]. Это говорит о взаимосвязи литературы и мифа.

Миф в литературе изучали Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский. Исследователи в совместной работе «Литература и мифы» приходят к выводу, что на начальном этапе становления литературы она была противопоставлена мифу [6, с. 224]. В более поздний период, на рубеже XIX и XX веков, возникает «неомифологизм», то есть осмысление мифов как части литературной поэтики. К мифологизму обращались поэты Серебряного века, в большинстве – символисты, вдохновленные философией Вагнера и Ницше.

В рамках нашего исследования помимо понятия мифа мы также обращаемся к понятиям локальный текст и локальный миф. Данные термины позволяют соотнести способы мифологизации пространства в поэзии А. Петрушкина с литературными стратегиями других уральских авторов.

К концу XX века русская литература получила новый толчок, поэзия, до этого сконцентрированная в столицах, начала активно развиваться в регионах. Отсюда возникают локальные тексты – как аналог традиционно известным петербургскому и московскому текстам. Первые труды в этом направлении принадлежат Ю. М. Лотману и В. Н. Топорову. В современном литературоведении проблеме локального текста развивали Н. Е. Меднис, В. В. Топоров [7], Н. Башмакофф.

Вопросами уральского локального текста активно занимались литературоведы В. В. Абашев, Д. М. Давыдов, Ю. С. Подлубнова [8], Т. Ф. Семьян, Е. А. Смышляев [9], О. Э. Татаурова [11] и др.

Базой всего уральского локального текста в поэзии принято считать Уральское поэтическое движение, которое Т. Ф. Семьян в статье «Челябинская поэзия как часть Уральского поэтического движения» называет ее «поэтической корпорацией» [10, с. 29], таким образом обозначая масштаб и продуманность организации. Исследователь отмечает ключевую роль челябинских авторов в формировании уральской поэтической идентичности. Т. Ф. Семьян разделяет литераторов на три поколения: старшее, среднее и младшее. К среднему относит в том числе и А. Петрушкина.

Творчеству А. Петрушкина посвящены многочисленные рецензии, статьи в интернете, в социальных сетях. При этом узкие литературоведческие исследования творчества поэта отсутствуют, не рассматривалась в научной литературе и мифопоэтика пространства Тыдыма-Кыштыма. Этим обусловлена актуальность настоящей работы.

Методы исследования

В процессе исследования был использован комплекс аналитического, сопоставительного и когнитивного методов. В процессе анализа эмпирической базы использован метод целостного литературоведческого анализа, а также методы мифологического и мифопоэтического анализа.

Результаты и дискуссия

Эмпирической базой нашего исследования выступает творчество Александра Александровича Петрушкина, южноуральского поэта, прозаика и литературного критика.

Петрушкин родился в 1972 году в Челябинске, жил в разных городах уральского региона: Озерске, Лесном, Нижней Туре, Екатеринбурге, Челябинске. С 2006 года Петрушкин жил в Кыштыме. Выпустил 12 сборников стихов.

Кроме того, А. Петрушкин вел активную культуртрегерскую деятельность. Он учредил литературно-художественный фонд «Антология», выступил с инициативой издания журнала актуальной уральской литературы «Транзит-Урал», стал издателем книжных серий «24 страницы современной классики», «V-Новая поэзия», «Антология Реальной Литературы», являлся куратором поэтического семинара «Северная зона», координатором евразийского журнального портала «Мегалит». В 2016 году выпустил «Антологию Русской озерной поэтической школы», чем заявил о существовании такого явления, как «Русская озерная школа поэзии». На данном понятии мы остановимся немного подробнее.

Название поэтической школы можно считать аллюзией к наименованию группы британских поэтов-романтиков конца XVIII века. В нее входили Вордсворт, Кольридж, Саути и другие. Название появилось по географическому принципу – все литераторы проживали в так называемом Озерном крае (ориг. – Lake District), регионе Северо-Западной Англии, графства Камбрия. Челябинскую область называют краем тысячи озер, благодаря этому наименование Русской озерной поэтической школы (далее – РОПШ) также имеет буквальное значение, однако здесь оно более конкретно: все поэты в группе географически связаны с озером Иртыш, проживают в городах на его берегах (Озерск, Касли, Кыштым). В РОПШ входили такие поэты, как Наталия Черных (Озерск, ныне – Москва), Евгения Изварина (Озерск, ныне – Екатеринбург), Александр Петрушкин (Озерск, Кыштым), Наталия Косолапова (Кыштым), Маргарита Еременко (Касли), Дмитрий Машарыгин (Озерск, ныне Челябинск).

Создатель РОПШ Александр Петрушкин выделяет несколько содержательных черт, присущих поэтам данного литературного движения [12, с. 6]:

1. Консерватизм в формальной стороне стихосложения. Авторы РОПШ пользуются классическими принципами и механизмами регулярного стиха.

2. Наследование традиций второй литературы периода 80-х годов прошлого века, в парадигме метареалистов. Продолжение распространенного и популярного на Урале направления метареализма, настолько популярного только в данном локусе. И это происходит «...несмотря на активные попытки (которые вполне успешно продолжают и по сей день) привить на почве Урала московскую концептуалистскую линию а-ля Пригов и Ко», – отмечает А. Петрушкин.

3. Религиозное восприятие мира в парадигме православной ветви Христианства. Эта черта проявляется в разной мере у разных поэтов, но тем не менее позволяет, как утверждает А. Петрушкин, рассматривать поэзию РОПШ как «православную (духовную) поэзию».

4. Техника «заглядывания на обратную сторону бытия». Концептуальный принцип: автор стремится через свою поэзию увидеть «демиурга бытия» в тривиальных событиях, которые Петрушкин называет осознанно или неосознанно воспринимаемыми прорехами в «матрице». Именно в данной черте проявляется ключевая особенность РОПШ – метафизичность.

Однако, безусловно, данные черты являются объединяющими с определенной погрешностью, они присущи поэтам Озерной школы в разной степени. Ключевым и основополагающим в формировании РОПШ является географический признак. Здесь Александр Петрушкин наследует традиции Виталия Кальпиди, формировавшего пространственно обусловленную систему организации поэтического движения в виде Уральской поэтической школы. Причем сам Петрушкин признает, что Озерная школа – «...это и попытка сепаратизма в отношении уральской поэтической школы, которая в нынешнем своем состоянии / векторе общности перестала быть эстетически и методологически близкой мне» [13, с. 18]. То есть можно сделать вывод, что РОПШ выступает аналогом УПШ, результатом процесса «атомизации» литературы (от русской литературы отделяется уральская, от уральской – озерная), запущенного В. Кальпиди. В этом ключе для нашего исследования важно, что Озерная школа следует принципам мифологизации пространства, заложенным УПШ.

Таким образом, в создании Русской озерной поэтической школы мы можем проследить, во-первых, значимость географии в связке с метареализмом для Александра Петрушкина, во-вторых, продолжение деятельности Уральской поэтической школы, хоть и в противопоставлении озерной поэзии. Причем одной из ключевых функций УПШ и черт творчества Виталия Кальпиди является мифопоэтика пространства. Мифологическую работу с локусом в наследовании традиций Кальпиди (что поэт неоднократно подтверждает сам [13]) продолжает и Александр Петрушкин.

Мифопоэтика пространства в творчестве А. Петрушкина связана с городом Кыштымом Челябинской области, где поэт проживал с 2006 года. Причем автор не создает мифологизированный образ реального города, в поэзии Петрушкина представлен абсолютно иной локус – мифический Тыдым. Оказиональный топоним имеет неясное происхождение, так как авторского объяснения наименования нет. Однако существует несколько разных версий. Первая: Тыдым – видоизменение рифмы «сюдым-тудым». Вторая: Тыдым – необычное слияние слов «туман» и «дым», что можно связать с промышленным пространством вокруг Кыштыма. Третья: Тыдым – звукоподражание шуму едущего поезда. «Тыдым-тыдым, тыдым-тыдым – // все едет твой электропоезд», – так начинается стихотворение Полины Потаповой «На тыдымской земле», посвященное Александру Петрушкину. Такие отсылки к названию города у близких А. Петрушкину авторов позволяют говорить о том, что сам Тыдым становится мифом, перестает быть частью поэтики только его создателя, включается в творчество других поэтов.

Кроме того, Тыдым выходит и за пределы мира литературного. Способствует этому сам А. Петрушкин: он создает «Тыдымские чтения». Это литературный фестиваль, собиравший различных деятелей литературы без приглашений, с открытым входом. Он существовал с 2007 года, охватывал от 20 до 50 авторов. Сам Петрушкин в ключе фестиваля определяет значимую черту Тыдыма: «...во время чтений – Тыдым обнажает человека и то, что в нем есть – потому одни приносят внутреннюю радость и спокойствие, вторые – внутреннюю тревожность, третьи – свое самодлюбие или даже правильное сказать самовлюбленность. И все это на чтениях проявляется (или просто заметнее) с утроенной силой. Но, пройдя через подобный катарсис, человек становится чище, прозрачнее что ли. А осознав эти изменения – приезжает читать стихи и ощущать радость своего бытия снова и снова» [13, с. 53]. То есть мы можем сделать вывод о том, что Тыдым выступает локусом очищения. Причем такой мифологизирующий принцип переноса духовной составляющей пространства на реальную существует не только в стихах, но и в реальности, причем продвигается самим А. Петрушкиным.

Итак, мы определили, что Тыдым является другой версией Кыштыма, «параллельной реальностью», духовной версией города. Подтверждение этого мы можем найти в словах самого Александра Петрушкина. Для этого обратимся к эго-документу «Тыдымский дневник. Воспоминания об Эдеме». Под этим понятием, введенным историком Жаком Прессером [14, с. 15], мы понимаем источники, исходящие от конкретного человека, имеющие ярко выраженный личный характер и повествующие от первого лица. Дневник пред-

ставляет собой расставленные в хронологическом порядке записи Александра Петрушкина в социальных сетях. Обратим внимание на два момента: во-первых, наименование документа вновь указывает на расширение понятия, выход за границы поэзии, во-вторых, в самом тексте наименование «Кыштым» не встречается ни разу, пространство для поэта всегда – «Тыдым». Это позволяет сделать вывод, что для А. Петрушкина Тыдым является реальным местом существования, он не воспринимает окружающий город как Кыштым, только как Тыдым.

Вернемся к концептуальному пониманию самим А. Петрушкиным мифопоэтического локуса Кыштыма. Он определяет его следующим образом: «...есть Кыштым – город работающих и славных людей, а у него есть еще и обратная сторона, даже не обратная, а просто его восьмое измерение – место счастья или персональный рай. Так бывает с людьми – вот живут они, суетятся и прочее, и прочее – но вдруг в неопределенном месте, где проходили тысячи раз, испытывают невероятное и беспричинное, даровое счастье – вот это ощущение и есть то самое восьмое измерение, оно и есть Тыдым. То есть – понятно, что мне здесь живется очень и очень хорошо» [13, с. 53]. В этом же ключе поэт продолжает мысль о Тыдыме как о реальности очищения: «Как я однажды написал (православные меня сейчас поймут): “прекрасное здесь место умирать”. Когда слово смерть прочитывается, как рождение».

В исследовании мифопоэтики Петрушкина для нас принципиально важным является метафорическое сопоставление «Тыдым – рай». Об этом говорится в тексте, также на это указывает вторая часть названия дневника поэта «Воспоминания об Эдеме». Творчеству А. Петрушкина в целом присущи христианские мотивы, и именно с божественной темой связано предназначение поэзии. Об этом он говорит в «Тыдымском дневнике»: «Все мы – инструментарий Б-га для совершенствования мира; иногда мне кажется, что мы это Его попытка всмотреться /осознать/ в себя, то есть, я так понимаю, что мир такой, каким мы его привыкли видеть – это снег на экране, непрерывное мерцание, что не дает нам увидеть мир таким, какой он есть, мир за пределами космоса. И вот важнейшее для меня в поэзии (чужой и своей) – это возможность замедлить мерцание, и увидеть подлинную реальность – насчет которой, я почему-то оптимистичен. Если даже тень подлинной реальности прекрасна и конструктивна, то что можно сказать об оригинале. Вот в этом взгляде вероятно и есть предназначение нашего ремесла – только я бы не стал ограничиваться землей, а говорил бы о бытии как таковом» [13, с. 21]. Именно таким «миром за пределами космоса», подлинной реальностью, находящейся одновременно и внутри нас,

и за пределами нашего мира, является Тыдым для Александра Петрушкина.

Собственно в поэзии автора Тыдым возникает не так часто, однако всегда играет ключевую роль. Рассмотрим сборник «Геометрия побега», в котором одна из частей носит название «Тыдым». С точки зрения мифопоэтики тексты Петрушкина нетипичны. Если Виталий Кальпиди регулярно обращается к классическим мифологемам (хтонические существа, герои, упыри и так далее), переиначивая и пропуская через них реальность, то для Александра Петрушкина ключевой является мифологема Бога. Вокруг нее вращаются все образы, которые также можно назвать мифологичными: в стихах соединяются Бог, времена года, животные, стихии. Именно в природном ключе воспринимается локус в текстах поэта, и он неотрывно связан с образом Тыдыма: «Так говорить за свой Ты-дым // я обучался – глядя в черных // быков, что в капельках росы // росли и пухли, словно розы» [15, с. 62]. В природных образах мы также можем проследить метареалистическую образность Александра Петрушкина. Они смешиваются в единую картину, стремящуюся отразить природный цикл через метафоричность и определенную долю сюрреалистичности: «Груша упадет, сентябрь рассыплется, // оставляя звук на языке – // георгин горит, как будто ижица, // удивляясь Богу належке». Это смешение проявляется также и на том уровне, что христианские мифологемы становятся метафорами природных явлений, опять же в ключе темы календарного цикла, отражающего как взгляд автора на реальность, так и традиционный символизм жизни во временах года: «Вот холодает – ангелы, как снег, // ложатся в землю...» [15, с. 66].

Природные образы тесно связаны с темой поэзии как выражения истинной реальности. В тексте «Когда почти освоен диалект...» [15, с. 58] природа предстает чудом, которое лирический субъект, «я» поэта метафорически стремится вложить в «кыштымский диалект», но «земные» слова не в силах охватить чудо декабря, они «казались слишком малым». И в этом нет трагедии, здесь поэт видит еще большее чудо: «И треском [уходящего вдоль сада // дыхания пернатого метлы] закончится // весь мой словарь земной – // и чуда большего мне на земле не надо».

Сам Тыдым возникает как образ в одноименном стихотворении. В нем среди переплетений метареализма, в запутанной субъектной системе, где есть лирический герой и обращение к самому Тыдыму, возникает некий «он». Этот некто живет у форточки, разбивает сюжет на фразы, извлекает на свет жену и детей лирического героя (равного Петрушкину). Наиболее логичным будет предположение, что этот некто – Бог, который занимает столь значимое место в творчестве Петрушкина. Во второй части стихотворения Тыдым оставляет

на столе героя «тело», причем происходит это вместе с воспоминанием об иволге, с которой сравнивался загадочный некто в первой части стихотворения. Далее это тело смахнут на снег, сугробы оживут, а к некому «ты» лирический герой обратится в последних строках: «и ты лежишь в Тыдыме позднем, // не принимая, что убит» [15, с. 73]. Мы точно можем сделать вывод, что тело – сам Бог, на это намекает сравнение с иволгой, а также оживший снег (вспомним, что до этого снежинки назывались Петрушкиным ангелами). Но кому же адресованы финальные строки? До этого обращение на «ты» применялось к Тыдыму, но сейчас объект повествования «лежит в Тыдыме». Можно предположить, что конкретно-го ответа нет: «ты» – это обращение Петрушкина и к себе, и к читателю, и к другому поэту. Объект повествования «убит», но при этом в сознании, кроме того, пространственная картина формируется следующая: он лежит в снегу, который ожил, куда смахнули тело Бога. И здесь мы вспомним слова самого Петрушкина: «...прекрасное здесь место умирать. Когда слово смерть прочитывается, как рождение». В этом ключе стихотворение открывает нам свой мифопоэтический подтекст: некий «ты» или же сам Петрушкин, «умирая» в «божественном» снегу Тыдыма, перерождается, приходит к тому духовному катарсису, к глубокому восприятию мира, о котором говорил поэт. Мы можем говорить о неслучайности вписывания смерти и ожившего снега в локус Тыдыма: название мифопоэтического города вынесено в заглавие текста, и потому он играет ключевую роль в перерождении героя.

Выводы

Мифопоэтика пространства в творчестве Александра Петрушкина основана на разделении локуса реального и локуса духовного: Кыштыма и Тыдыма соответственно. Поэт не создает мифологизированные образы географического пространства, что было представлено в Уральской поэтической школе и творчестве Виталия Кальпиди. А. Петрушкин формирует иную, параллельную реальность. Локус Тыдыма для поэта – Эдем, земной рай для творца, место погружения во внутренний мир и при этом выхода за рамки обыкновенной реальности. В создании мифопоэтического образа города автор прибегает к христианским мифологемам, к метареалистическому описанию локуса с особым акцентом на природу, создает метафорическую картину окружающей действительности. И для Петрушкина она скорее является зеркалом поэтического, внутреннего, связанного с Богом. Город становится не столько пространством существования, сколько местом «смерти», но не в смысле окончания земной жизни, а в смысле духовного перерождения.

Мифопоэтический образ Тыдыма в творчестве Александра Петрушкина можно назвать локусом

очищения, поэтической реальностью, в которой по-настоящему живет поэт, где он творит и находит новые грани себя.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-20162).

Литература

1. Давыдов, Д. Поколение vs поэтика: молодая уральская поэзия / Д. Давыдов // Литература Урала: история и современность : сборник статей. – Екатеринбург : УрО РАН : Союз писателей, 2006. – С. 366–371.
2. Абашев, В. В. Пермь как текст. Пермь в истории русской культуры и литературы XX века // В. В. Абашев. – Пермь, 2008.
3. Подлубнова, Ю. С. Поэтика трансформаций в современной поэзии Урала / Ю. С. Подлубнова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (142). – С. 117–128.
4. Барышников, П. Н. Мифология современности / П. Н. Барышников // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2006. – № 1 – С. 182–189.
5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М., 1930. – 186 с.
6. Лотман, М. Ю. Литература и мифы / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира : энциклопедия. – М., 1980. – Т. 1. – С. 220–226.
7. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы : избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб. : Искусство СПб, 2003. – 616 с.
8. Подлубнова, Ю. С. Уральская поэтическая школа: фантом или реальность / Ю. С. Подлубнова // Quaestio Rossica. – 2022. – Т. 10, № 5. – С. 1836–1851.
9. Смышляев, Е. А. Современная поэзия Челябинска как локальный текст : монография / Е. А. Смышляев. – Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2019. – 206 с.
10. Семьян, Т. Ф. Челябинская поэзия как часть уральского поэтического движения / Т. Ф. Семьян, Е. А. Смышляев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2015. – Т. 12, № 2. – С. 28–32.
11. Татаурова, О. Э. Стратегия развития региональной поэзии (на примере уральской поэтической школы) / О. Э. Татаурова // Молодая филология. Человек, культура, социум : сборник статей по материалам ежегодной научной студенческой конференции ; отв. ред. И. А. Подюков, ред. Е. Е. Бразговская, сост. К. Е. Петрова. – Пермь : Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2018. – С. 175–178.
12. Антология Русской Озерной поэтической школы. Серия «Геология». Кн. 1. – Кыштым :

Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ», 2016. – 144 с.

13. Петрушкин, А. Тыдымский дневник. Воспоминания о Эдеме / А. Петрушкин. – Издательские решения, 2018 – 291 с.

14. Dekker, R. M. Jacques Presser's heritage.

Egodocuments in the study of history / R. M. Dekker // *Memoria y Civilización. Anuario de Historia.* – 2002. – №5. – P. 13–37.

15. Александр Петрушкин. Геометрия побега / А. Петрушкин. – М. : Русский Гулливер, 2015. – 198 с.

Смышляев Евгений Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: smyshliaeva@susu.ru. ORCID 0000-0002-4848-4986

Шолохов Матвей Александрович – магистрант кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: mat-74@mail.ru. ORCID 0000-0001-7505-3981

Поступила в редакцию 31 мая 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230311

TYDYM-KYSHTYM: MYTHOPOETICS OF SPACE IN THE WORKS OF A. PETRUSHKIN

E. A. Smyshlyaev, M. A. Sholokhov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The article is devoted to the study of the mythopoetics of space in A. Petrushkin's poetry. We examined the book of poems *The Geometry of Escape* and the egodocument *Tydym's Diary. Memories of Eden*, in which the poet reveals the meaning of the designation of Kyshtym by the occasional toponym Tydym and mythologizes it. The mythologization of space in the poetry of modern Ural authors is a trend, a key element of the literary strategy of such poets as Vitaly Kalpidi, Yanis Grants, Alexander Samoilov, and others. In his work, Alexander Petrushkin largely continues the traditions of Ural myth-makers. The article defines the principles of the formation of mythologized space: A. Petrushkin departs from the classical description of urban space. Tydym is presented by the poet as a parallel reality to Kyshtym, a mythologized space filled with Christian and ancient mythologems. In the image of Tydym, Petrushkin sees the reality of inner purification, and death as an element of the rebirth of a person and a poet. The main images and mythologems with which Tydym's chronotope is filled are also analyzed; a metarealistic approach to the formation of natural images in synthesis with Christian mythologems is considered.

Keywords: myth, mythopoetics, artistic space, local text, Ural text, Alexander Petrushkin, Tydym.

References

1. Davydov D. Pokolenie vs poetika: molodaya ural'skaya poeziya [Generation vs Poetics: Young Ural Poetry] // *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*: sbornik statei. Ekaterinburg: UrO RAN: Soyuz pisateley, 2006. S. 366–371.

2. Abashev V.V. Perm' kak tekst. Perm' v istorii russkoy kul'tury i literatury XX veka [Perm as a Text. Perm in the History of Russian Culture and Literature of the Twentieth Century]. Perm', 2008.

3. Podlubnova Y.S. Poetika transformatsiy v sovremennoy poezii Urala [Poetics of Transformations in Modern Poetry of the Urals] // *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki.* 2015. № 3 (142). S. 117–128.

4. Baryshnikov P.N. Mifologiya sovremennosti [The Mythology of Modernity] // *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov.* 2006. № 1 S. 182–189.

5. Losev A. F. Dialektika mifa [Dialectics of Myth]. – M., 1930. – 186 s.

6. Lotman M.Y., Mints Z.G., Meletinskiy E.M. Literatura i mify [Literature and Myths] // *Mify narodov mira: entsiklopediya.* M., 1980. T. 1. S. 220–226.

7. Toporov V.N. Peterburgskiy tekst russkoy literatury [The Petersburg Text of Russian Literature]: izbrannyye trudy. SPb.: Iskustvo SPb, 2003. 616 s.
8. Podlubnova Y.S. Ural'skaya poeticheskaya shkola: fantom ili real'nost' [Ural Poetic School: Phantom or Reality] // *Quaestio Rossica*. 2022. T. 10, № 5. S. 1836–1851.
9. Smyshlyaev E.A. Sovremennaya poeziya Chelyabinskaya kak lokal'nyy tekst [Modern Poetry of Chelyabinsk as a Local Text]: monografiya. Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera, 2019. 206 s.
10. Sem'yan T.F., Smyshlyaev E.A. Chelyabinskaya poeziya kak chast' ural'skogo poeticheskogo dvizheniya [Chelyabinsk Poetry as Part of the Ural Poetic Movement] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 2015. T. 12, № 2. S. 28–32.
11. Tataurova O.E. Strategiya razvitiya regional'noy poezii (na primere ural'skoy poeticheskoy shkoly) [Regional Poetry Development Strategy (on the Example of the Ural Poetry School)] // *Molodaya filologiya. Chelovek, kul'tura, sotsium: sbornik statey po materialam ezhegodnoy nauchnoy studencheskoy konferentsii; otv. red. I.A. Podyukov, red. E.E. Brazgovskaya, sost. K.E. Petrova. Perm': Permskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet*, 2018. S. 175–178.
12. Antologiya Russkoy Ozerney poeticheskoy shkoly. Seriya «Geologiya» [Anthology of the Russian Lake Poetic School. The series «Geology»]. Kn. 1. Kyshtym: Evraziyskiy zhurnal'nyy portal «MEGALIT», 2016. 144 s.
13. Petrushkin A. Tydym'skiy dnevnik. Vospominaniya o Edeme [Tydym'skiy Diary. Memories of Eden]. Izdatel'skie resheniya, 2018. 291 s.
14. Dekker R.M. Jacques Presser's Heritage. Egodocuments in the Study of History // *Memoria y Civilización. Anuario de Historia*. 2002. № 5. P. 13–37.
15. Aleksandr Petrushkin. Geometriya pobega [Escape Geometry]. M.: Russkiy Gulliver, 2015. 198 s.

Evgeny A. Smyshlyaev – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: smyshliaeva@susu.ru

Matvey A. Sholokhov – Master Student of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: mat-74@mail.ru

Received May 31, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Смышляев, Е. А. Тыдым-Кыштым: мифопоэтика пространства в творчестве А. Петрушкина / Е. А. Смышляев, М. А. Шолохов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 93–99. DOI: 10.14529/ssh230311

FOR CITATION

Smyshlyaev E. A., Sholokhov M. A. Tydim-Kyshtym: Mythopoetics of Space in the Works of A. Petrushkin. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 93–99. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230311